

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

К 70-летию со дня рождения В. В. Вишневского

В СЕВОЛОДА Витальевича Вишневского уже лет среди нас. Но живут «Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта». «Мы — русский народ», «Последний, решительный» Живы его эпопея «Война», насыщенная электричеством века войн и революций, рассказы, письма, дневники, вобравшие в себя штрихи его необыкновенно яркой, героической биографии.

Он всегда был на переднем крае; и в годы гражданской войны, и в осажденном Ленинграде, и в своей непрестанной творческой работе. Так велели ему долг коммуниста, совесть художника-гражданина.

Вишневский — новатор в театральном искусстве, Вишневский — писатель, киносценарист, оратор — сколько еще замечательных граней можно отыскать в облике этого щедро одаренного человека!

Пьеса Всеволода Вишневского «Первая Конная», которую без пресувеличения можно назвать панорамой народной жизни, сразу же обратила на себя внимание и необычным построением сюжета, и политической насыщенностью, и публицистической страстностью. Масштабность изображаемого, глубина мысли и яркость образов стали счастливыми приметами творчества вдохновенного партийного художника.

«Оптимистическая трагедия», пьеса Вишневского, где эти высокие качества проявились с особой силой, остается и сегодня одной из популярнейших на сценах театров.

Александр Штейн в своих воспоминаниях о Всеволоде Витальевиче приводит очень интересный эпизод, показывающий, сколь велико и ныне гражданское звучание «Оптимистической трагедии». Он рассказывает, как она игралась в театре имени Теттефи, в Будапеште, после трагических событий 1956 года.

Пьеса звучала злободневно! Реакция зала была такова, что сегодняшний смысл вкладывался в любую реплику, в любой монолог. Это и о них, павших венгерских товарищах,

говорил старшина матросского отряда: «В списке раненых коммунистов — Владимир Ильич, а среди убитых — Володарский, Урицкий, двадцать шесть комиссаров, целые губкомы и начисто вырезанные организации. Но разве дрогнула партия?». По-новому, сквозь пробоины на доме будапештского горкома, как через усиливающий рупор, гремел диалог финна и комиссара: «Ты один». «И ты одна, комиссар». «А партия?».

«Возможно и даже, наверное, — пишет А. Штейн, — спектакль нравился не всем сидящим в зале. Но большинство было «за» — тут сомнений не было. Те, кто «против», сидели не шелохнувшись, пораженные: Вишневский стрелял в них прямой наводкой».

К числу больших творческих удач Всеволода Вишневского относится и фильм «Мы из Кронштадта» — один из классических в советском кино. Драматург стремится по-новому осветить события гражданской войны, показать ее реалистически, укрупнен. Он ищет такие решения, которые позволили бы «за пределами видимого сюжета» развертываться теме эпохи. Вишневскому удалось новаторски решить проблему героя и массы, героя и хода исторического процесса. «Мы из Кронштадта» стал фильмом коллективного героя. Образ массы, спаянной единой волей партии, получился многоликим и многогранным благодаря тому, что он сложился из образов людей, обладающих яркой индивидуальностью, наделенных живыми, жизненными чертами.

Фильм «Мы из Кронштадта», — писал Сергей Эйзенштейн, — которого связывала с Вишневским творческая дружба, — был новым достижением по линии того эпического стиля советской кинематографии, который был начат еще во времена немого кино «Броненосцем «Потемкин». Из «Мы из Кронштадта» нес уже в зародыше новые черты на магистрали того же пути. Если в «Потемкине» матросский коллектив выступает прежде всего, как монолит, давая лишь коллективный облик без слагающих его отдельных лиц, то

фильм «Мы из Кронштадта» сделал следующий шаг. Сохраняя ту же спаянность обобщенного «лица флота», он одновременно набрасывал уже ряд отдельных персонажей».

Творческие принципы, найденные Вишневским, оказали большое влияние на развитие советской кинодраматургии. Как оказали влияние на многих людей в годы Великой Отечественной войны высокая гражданственность, неутомимая энергия, стойкость и мужество писателя-бойца.

Эти качества Вишневского помогали защитникам и жителям Ленинграда перенести суровые дни блокады, стоять ст фашистов родной город. Командиры батальонов морской пехоты звали в Военный Совет, требовали, давайте Вишневского. Он, матрос девятиднего, напутствовал уходящих на передовую словом комиссара. Он часто выступал по радио, и ленинградцы с волнением слушали его голос, в котором звучали и ненависть к врагу, и вера в победу, и призыв, выстоять во что бы то ни стало.

Говорят, что Вишневского писателя не разгадаешь без Вишневского-оратора, Вишневского-комиссара. И это глубоко верно. В сложном глаголе его души все эти черты слились воедино. Они обусловили создание произведений высокодейных, подлинно народных, написанных кровью сердца.

В одном из писем к режиссеру-постановщику фильма «Мы из Кронштадта» Ефиму Дзигану Всеволод Вишневский писал: «Ни на секунду не забывай об общечеловеческом. Это в «Кронштадте» было понято и в Москве, и в Мадриде, и в Нью-Йорке, и в Шанхае... Почему? Потому, что были эпические страсти, события, борьба народа (его сын), простых людей за свою честь, свободу, идею... Это, — в эпоху войн и революций, — и есть общечеловеческая тема».

Этой высокой теме замечательный советский художник был верен всю свою жизнь, оставив нам произведения, которые всегда будут волновать людские сердца.

Ю. СЕМЕНОВ.